

передовой деятель своей эпохи; он жил ее впечатлениями и жил более, чем кто-нибудь другой.

Нам остается поблагодарить издателей сочинений Белинского. Они составляют капитальное явление в истории русской литературы; их надо не читать, а изучать.

Сочувствие Белинскому растет; память его с каждым днем становится для нас дороже. За его свежий венок бралась не одна грязная рука наших журнальных наездников, но чистота его не померкнет до тех пор, пока честь русской мысли не будет обращена в барыш литературными лабазниками. В нынешнем году мы встретили в провинции одного помещика, который выписывает из Петербурга только книги, удостоившиеся хорошего отзыва со стороны Белинского. Вот до какой степени велика уже не популярность! И где же? В глуши арзамасских лесов. И кто же? Человек шестидесяти лет.

Пора бы, кажется, вместе с полным собранием сочинений Белинского издать и переписку его. Останавливаться перед тем, что она раскроет отношения его к живым личностям, сведет их на очную ставку с благородным борцом, нет никакого основания. Истинная гласность любит суд над живыми, а не над мертвыми. Из писем Белинского общество узнало бы, кто участвовал в убийстве этой силы и кто поддерживал ее в черную годину нашего прошлого.

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

<Белинский был одною из высших философских организаций...>

Белинский был одною из высших философских организаций, какие я когда-либо встречал в жизни. В нем было сопряжение Канта, Шеллинга и Гегеля, сопряжение вполне органическое, ибо он никого из них не читал: он не знал по-немецки, весьма плохо понимал по-французски, а в его эпоху ничто из этих философов не было переведено по-французски. Некоторые их положения перешли к нему понаслышке, частично от учеников Павлова, знавшего, впрочем,

лишь Шеллинга и Окена, частично от меня. Всякий раз, когда мы встречались с Белинским (это было редко) мы с ним спорили жестоко; но я не мог не удивляться, каким образом он из поверхностного знания принципов Натуральной Философии (Naturphilosophie) развивал целый органический философический мир *sui generis*. Едва имея понятие о Шеллинге только, Белинский сам собою дошел до Гегеля, ему неизвестного; т. е. в Белинском совершился своебытно тот переход, который в философском мире совершился появлением Гегеля после Шеллинга. Этого мало: в сочинениях Белинского мы видим и другой переход, параллельный с переходом философских идей от Гегеля к Конту (*philosophie positive*), гораздо позднешему; так что у Белинского можно встретить места, где он по предчувствию угадывал Конта. Напрасно противники Белинского укоряют его в том, что он не понимал Гегеля. Нет! Он его *вовсе не знал*, но сблизился с ним точно так же, как математик, не зная работы другого математика, сблизается с ним в выводах единственно развитием данной теоремы. Дело не в том, хороши ли все эти теории, в особенности Канта (это вопрос иной), но в том, что развить в себе самом целый ряд философских теорем, развившихся в философской атмосфере мира, не далось бы дюжинному человеку. Беда Белинского в том, что обстоятельства жизни не позволили ему развиться правильным образом. Он, если не ошибаюсь, не кончил даже гимназического курса. Будь он в Германии, он, недовольный одним преподаванием, перешел бы в другой университет, и систематический труд распорядил бы в нем богатство его умственных сил. У нас Белинскому учиться было *негде*; рутинизм наших университетов не мог удовлетворить его логического в высшей степени ума; пошлость большей части наших профессоров порождала в нем лишь презрение; нелепые преследования неизвестно за что развили в нем желчь, которая примешалась в своебытное философское развитие и доводила его бесстрашную силлогистику до самых крайних пределов. Обстоятельства жизни воспитали его так, что он в каждом человеке видел или подлеца, или мошенника, или глупца; сознание своей логической силы придавало ему много самолюбия, так что он никогда не мог сознаться в ошибочности своих выводов; беспрестанное оципывание в нашей литературе, боязнь вывести на свет Божий самую невинную мысль, но новую и потому заранее заподозренную, возбудило такую в Белинском ненависть к этой пугливости, что он в каждой крайней мысли видел мысль правдивую, потому только, что она противоречила со всем его окружающим. Отсюда его презрение к русскому филистерству, от которого он переходил к презрению ко всему русскому. Так, нередко он говорил, что главный порок русского — это именно то, что он русский. Белинский

принадлежит к числу тех людей, которые нередко у нас появляются, которые при другой обстановке означили бы свое поприще в европейском ученом мире, но которые или замерли, или которых сила, как сила невтопад задержанной паровой машины, получает обратное действие и разрушает самую машину. Не порицать следует таких людей, но скорбеть о том, что они явились не в пору.

А. А. ГРИГОРЬЕВ

Белинский и отрицательный взгляд в литературе

<Фрагменты>

I

Вот что пятнадцать лет назад, и даже менее, думали более или менее все мы,— исключая, разумеется, немногих сторонников славянофильства:

«Петр Великий есть величайшее явление не нашей только истории, но и истории всего человечества; он *божество, воззавшее нас к жизни, вдунувшее душу живую* в колоссальное, но поверженное в смертную дремоту тело древней России...» (Соч. Белинского, том IV, стр. 333).

«Нет, без Петра Великого для России не было никакой возможности естественного сближения с Европою. Повторяем: Петру некогда было медлить и выжидать. Как прозорливый кормчий, он во время тишины предузнал ужасную бурю и велел своему экипажу не щадить ни трудов, ни здоровья, ни жизни, чтобы приготовиться к напору волн, порывам ветра,— и все изготовились хотя и не хотя, и настала буря, но хорошо приготовленный корабль легко выдержал ее неистовую силу,— и нашлись недалновидные, которые стали роптать на кормчего, что он напрасно так беспокоил их! Нельзя ему было сеять и спокойно ожидать, когда прозябнет, взойдет и созреет брошенное семя: *одной рукою бросая семена, другою хотел он тут же и пожинать плоды их, нарушая обычные законы природы и возможности,— и природа отступила для него от своих вечных законов, и возмож-*